

Вечером Чи Чэн продолжал заниматься, а Тао Хуайнань, как обычно, играл в телефон рядом. Чи Чэн постучал по столу, не поднимая головы от учебника, и сказал:

— Не слушай слишком долго, отдохни.

— Я кое-что ищу, — ответил Тао Хуайнань.

— Что ищешь? — спросил Чи Чэн. — Давай я помогу.

— Не надо, — Тао Хуайнань отказался, встал и улегся на кровать, продолжая слушать телефон в тишине.

Чи Чэн взглянул на него, но не стал вмешиваться.

В последнее время они перестали мыться вместе. Раньше, как только Чи Чэн собирался в душ, Тао Хуайнань сразу же навязчиво присоединялся, но теперь вдруг стал стесняться.

Теперь либо он мылся первым, либо ждал, пока Чи Чэн закончит, но вместе они больше не ходили.

Чи Чэн не придавал этому значения. Наоборот, ему было удобнее, что они не толкались в ванной.

Тао Хуайнань хранил свои маленькие секреты, не рассказывая ни брату, ни Чи Чэну. Иногда он задумывался, погружаясь в свои мысли.

В подростковом возрасте мальчики быстро растут, и иногда утром он просыпался от неприятных ощущений.

Тао Хуайнань проснулся во сне, весь в поту.

Чи Чэн все еще спал рядом. Тао Хуайнань был беспокойным во сне: если перед сном он лежал спокойно, то просыпался, прижавшись к Чи Чэну, с ногами, перекинутыми через него.

Тао Хуайнань сжал брови от дискомфорта, отодвинулся и убрал ногу.

Чи Чэн проснулся от его движений, открыл глаза, увидел, что Тао Хуайнань не спит, и, взглянув на время, хрипло произнес:

— Еще рано, поспи еще.

Голос, который он слышал каждый день, теперь почему-то вызывал у него легкое смущение.

Он тихо кивнул и медленно перевернулся на бок.

Даже если Чи Чэн был не слишком наблюдательным, он все равно замечал, когда что-то было не так.

На уроках Тао Хуайнань слушал невнимательно, его руки беспорядочно скользили по учебнику. Чи Чэн постучал ручкой по книге, и Тао Хуайнань вздрогнул.

Такой маленький звук вызвал у него такую реакцию — видимо, он действительно сильно отвлекся.

Чи Чэн посмотрел на него и тихо сказал:

— Внимательно слушай урок.

Тао Хуайнань очнулся и кивнул.

Из-за этого вечером дома его снова отчитали.

Когда Чи Чэн ругал его, Тао Хуайнань обычно не смел возражать. У Чи Чэна был вспыльчивый характер, и, если он начинал спорить, тот мог рассердиться еще больше.

— О чем ты все время думаешь? — в голосе Чи Чэна чувствовалось раздражение. Он строго следил за учебой Тао Хуайнаня и ругал его, если тот не занимался.

Тао Хуайнань привычно ответил:

— Прости, братик.

— Не отделивайся, — Чи Чэн сегодня впервые почувствовал, что с ним что-то не так, и, оглядываясь назад, понял, что это продолжалось уже некоторое время.

— Я не отделиваюсь, — тихо сказал Тао Хуайнань.

— Что ты еще услышал? — с раздражением спросил Чи Чэн. — Я с кем-то держался за руки? У меня кто-то есть?

История из первого класса до сих пор всплывала, и в обычное время Тао Хуайнань уже бы смутился и попытался закрыть рот Чи Чэну. Но сейчас его мысли были заняты другим, и он тут же выпалил:

— Этого нельзя.

Слова «нельзя» вырвались у него резко и громко. Осознав, что сказал, он хотел что-то добавить, но, открыв рот, так и не смог ничего придумать. В конце концов он встал и, опустив глаза, ушел.

Обычно, если он уходил, не закончив разговор, Чи Чэн мог бы его остановить и продолжить ругать, но на этот раз он не стал этого делать.

Тао Хуайнань часто замыкался в себе, сохраняя свои маленькие секреты и переживания. Чувствительный ребенок, вырастая, оставался чувствительным. Но в целом он не был слишком уж сложным человеком, и каждый раз быстро справлялся со своими мыслями.

Прежде чем он успевал переступить черту, за которой Чи Чэн начал бы его воспитывать, он сам приходил в норму: начинал внимательно слушать уроки и нормально спать.

Сейчас в школе оба брата пользовались популярностью. Чи Чэн был стабильно первым в классе, а благодаря двум дракам в первом классе он стал своего рода звездой. Каждый первый ученик класса был лицом своего класса, и, если он не хмурился и не игнорировал всех, его популярность не страдала. Тао Хуайнань же был настоящей «защищенной зверушкой» класса.

Обычно после обеда Чи Чэн водил Тао Хуайнаня погулять по школьному двору. Сидеть с утра до вечера было утомительно. Иногда Чи Чэн играл в баскетбол, а Тао Хуайнань сидел на ступеньках. В сентябре погода была приятной, не слишком жарко и не слишком холодно, и

сидеть в свитшоте в тени на краю поля было очень комфортно.

Кто-то подошел и сел рядом с ним, движения и шаги были легкими, а от человека исходил легкий аромат шампуня. Он нарочно сделал голос грубым и сказал:

— Угадай, кто это?

Тао Хуайнань засмеялся, опершись локтем на колени и подперев подбородок рукой.

— Сестра Сюань, верно?

— Скучно, — девушка встряхнула длинную косу. — Иногда я сомневаюсь, что ты действительно не видишь, а просто притворяешься.

— Было бы здорово, — сказал Тао Хуайнань.

Его лицо было направлено в сторону баскетбольной площадки, и, хотя он не мог различить голос Чи Чэна среди шума, ему нравилось пытаться уловить его шаги среди беспорядочных звуков. Иногда ему казалось, что он слышит именно его, хотя это было просто предположение.

— Тогда на что ты смотришь? — девушка помахала рукой перед глазами Тао Хуайнаня, но он даже не моргнул, не реагируя.

— Смотрю на брата.

— Но ты же не видишь.

— Он видит меня, — медленно моргнув, Тао Хуайнань так же медленно произнес. В теплый осенний полдень все двигались неспешно. — Он говорит, что у меня большие глаза, и знает, когда я смотрю в его сторону.

Девушка рассмеялась и сказала:

— Так ты специально широко открываешь глаза.

— Не специально, они просто такие, — Тао Хуайнань показал высоту рукой перед глазами. — Вот такие большие.

— Хвастун, — девушка достала из кармана две конфеты на палочке, дала одну Тао Хуайнаню, а вторую взяла себе.

Рядом с человеком, который не видит, помимо непроизвольного чувства жалости, также ощущается больше безопасности, и общаться с ним легче. После этого они больше не разговаривали, каждый наслаждался своей конфетой: девушка смотрела на поле, а Тао Хуайнань слушал Чи Чэна.

Эта девушка сейчас сидела за ним в классе. Места каждый год менялись, и в этом году позади него сидели две девочки. Тао Хуайнань стал хранителем множества подростковых секретов, и те вещи, о которых девочкам было стыдно говорить с другими, они охотно рассказывали ему.

Он был тихим ящиком для секретов, спокойно принимая множество наивных переживаний.

Когда Чи Чэн закончил играть и подошел, девушка уже ушла. Тао Хуайнань протянул ему воду, и Чи Чэн, открыв бутылку, выпил ее.

— Устал? — спросил Тао Хуайнань.

— Нет, — Чи Чэн потянул его за руку, чтобы помочь встать. — Ты только что спал?

Тао Хуайнань рассмеялся:

— Ты действительно знаешь? Я просто закрыл глаза на минуту.

Чи Чэн ничего не сказал, одной рукой слегка подтолкнул Тао Хуайнаня вперед. Он только что закончил играть, бегая по полю, и дыхание еще не совсем успокоилось. Тао Хуайнань отчетливо слышал его дыхание, пока они шли.

Закрыв глаза, он позволил Чи Чэну вести себя, медленно шагая по мягкому резиновому покрытию. Тао Хуайнань потянулся к одежде Чи Чэна, и его сердце тоже смягчилось.

— Что ты делаешь? — спросил Чи Чэн.

— Просто трогаю, — Тао Хуайнань улыбнулся, и его глаза стали узкими. — Просто трогаю тебя.

Чи Чэн дотронулся до красной полоски на руке Тао Хуайнаня, оставшейся от того, как он лежал, и сказал:

— Прилипала.

Прилипала Тао Хуайнань полностью оправдывал это прозвище. Даже в таком возрасте он не был самостоятельным, все время прилипая к брату. Дети, которые учились в школе для слепых, в его возрасте уже многое умели делать сами. Тао Хуайнань не ходил в такую школу и упустил возможность научиться независимости, но для него это не имело значения. В школе для слепых он так и не научился ничему, потому что всегда звал: «Чи Ку, Чи Ку».

Тао Сяодун вернулся домой рано, и, когда они пришли из школы, он уже был дома.

Тао Хуайнань сначала помылся, а потом переоделся в пижаму, выйдя из ванной с приятным запахом. У Тао Сяодуна была странная привычка — он любил запах своего брата, поэтому дома у Тао Хуайнаня всегда был молочный гель для душа. У Чи Чэна тоже была странная привычка: он сам пользовался другим гелем, но не позволял Тао Хуайнаню его менять.

Тао Сяодун уже приготовил ужин, но, пока Тао Хуайнань мылся, Чи Чэн отдельно сварил ему суп с креветками. Вчера он пообещал Тао Хуайнаню приготовить его сегодня, и Тао Сяодун сказал:

— Не утруждай себя.

<http://bllate.org/book/16228/1458238>